

Я УНЕС РОССИЮ...
МИНУВШЕЕ ГЛАЗАМИ ЭМИГРАНТОВ

ПАВЕЛ БУРЫШКИН

МОСКВА КУПЕЧЕСКАЯ

ЭКСМО

Москва

2015

УДК 94(092)(47)
ББК63.3(2)-8
Б91

Разработка серии *Ф. Барбышева, А. Саукова*

Фотоколлаж на переплете *Ф. Барбышева*

В фотоколлаже на переплете использована
репродукция картины *Б.М. Кустодиева*
«Купец, считающий деньги», 1918 г.

Бурышкин, Павел Афанасьевич.
Б91 Москва купеческая / Павел Бурышкин. — Мо-
сква : Эксмо, 2015. — 384 с. — (Я унес Россию...
Минувшее глазами эмигрантов).

ISBN 978-5-699-76936-0

«Москва купеческая» — это блестящая история рос-
сийского торгового сословия, составленная выходцем из
купеческой среды Павлом Афанасьевичем Бурышкиным
(1887–1953).

Предприниматель, издатель, общественный и государст-
венный деятель, он не принял Октябрьской революции 1917
года и покинул Россию.

Оказавшись в Париже, Бурышкин постепенно отошел
от активной общественно-политической жизни, сосредото-
чившись на исторических изысканиях и мемуарных трудах.
Главным его достижением стала «Москва купеческая» — кра-
сочный очерк отечественного предпринимательства в лицах,
галерея неутомимых тружеников и бесшабашных авантюри-
стов, циничных дельцов и беззаветных благотворителей.

«Москва купеческая» — это и хроники экономики Рос-
сийской империи, и колоритные зарисовки торгово-промыш-
ленного быта Первопрестольной, и своего рода образчик, ма-
териал для сравнения с поступками тех, кто сегодня входит в
списки сверхбогачей журнала «Форбс».

УДК 94(092)(47)
ББК 63.3(2)-8

ISBN 978-5-699-76936-0

© Издание, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2015

От автора

Эта книга — прежде всего мои воспоминания. Мне пришлось быть свидетелем и участником жизни торгово-промышленной Москвы в самые «ответственные» годы, с 1912 по 1918-й. Свидетелем я был и ранее, в сущности говоря, с тех пор, как себя помню, а с 1904 года я уже мог систематически следить за московской общественной жизнью, исполняя как бы обязанности секретаря моего отца по общественным делам. Общественная деятельность меня интересовала с самых детских лет; можно сказать, я к ней готовился, внимательно прочитывая бумаги и документы, которые посылались моему отцу, а их было немало. Это мне помогло самому вступить в общественную жизнь подготовленным.

Выше я назвал годы войны и годы Февральской революции «ответственными». По отношению к представителям торгово-промышленной Москвы это не подлежит сомнению. Для них эти годы, в особенности период Февральской революции, были временем чрезвычайного оживления их общественной работы, и они несут несомненную ответственность за ход и исход событий. В силу этого мне казалось целесообразным выйти за рамки описания того, «что глаза мои видели». Чтобы по-настоящему понять, почему случилось так, а не иначе, нужно знать историю и ту атмосферу, в ко-

торой за последнее время складывалась жизнь торгово-промышленной Москвы. Нужно знать и ее «личный состав», чтобы оценить, почему те, а не другие оказались во главе движения. Обо всем этом никаких общих трудов пока нет. Зато очень много материалов. Даже за рубежом их более чем достаточно. Конечно, кое-чего не хватает, но все-таки в Париже, где имеются прекрасные русские книгохранилища, работать можно.

Думаю, что писать такую историю мне, как говорится, сам Бог велел. Не знаю, кто бы теперь мог за эту работу взяться. Нас, «свидетелей истории», осталось немного, и все в больших годах. Мне 66 лет, а я один из самых молодых.

Должен прибавить также, что с молодых лет я мечтал написать историю московского купечества. Первый, кто мне посоветовал это сделать, — Ал. Апол. Мануйлов, мой учитель экономики. Советовал и А.А. Кизеветтер, с которым вместе готовили мы юбилейное издание по истории Нижегородской ярмарки. Я и начал готовиться: собирал материалы и по истории Москвы, и по истории русской торговли. По истории Москвы мне уже удалось собрать изрядную коллекцию, которая, как слышал, составляет базу музея города Москвы, находившегося одно время в помещении Английского клуба, на Тверской. В моей коллекции были весьма ценные вещи.

Из моих близких мне всегда советовала написать эту книгу моя дочь, почему я и посвящаю этот труд ей.

Введение

Сколько их? Куда их гонят?
И к чему весь этот шум?
Мельпомены труп хоронит
Наш московский толстосум.

Так приветствовал один из известных московских адвокатов создание Художественного театра. Незадачливый поэт оказался, правда, плохим пророком: Художественный театр Мельпомену не похоронил, муза сценического искусства, вероятно, считала его одним из лучших своих детищ, прославивших ее по всему свету, но не это беспокоило автора шутливой пародии. Он хотел высмеять то обстоятельство, что одним из создателей нового театра был «толстосум», московский купец. В самом деле, Константин Сергеевич Алексеев, по сцене Станиславский, принадлежал к одной из самых почтенных и самых культурных московских купеческих фамилий. Такое отношение «интеллигентских» кругов к людям купеческого происхождения и к купечеству вообще было характерным для Москвы дореволюционного времени. С одной стороны, Москва считалась купеческим городом, где представители торговли и промышленности занимали руководящие места, в частности в Московском городском общественном управлении, с другой стороны — во всех некупеческих

слоях московского общества — и в дворянстве, и в чиновничестве, и в кругах интеллигенции, как правой, так и левой, — отношение к «толстосумам» было, в общем, малодружелюбным, насмешливым и немного свысока. Во всяком случае, «торгово-промышленники» отнюдь не пользовались тем значением и не имели того удельного веса, которые они должны были иметь благодаря своему руководящему участию в русской хозяйственной жизни и которыми пользовались их западные, европейские и особенно заокеанские коллеги в своих странах.

Это на вид парадоксальное явление станет совершенно понятным, если мы проследим историю русского народного хозяйства, ход русской торговли и развитие русской промышленности. Идея, вернее предрассудок, что Россия — страна чисто земледельческая, и только земледельческая, существовала до Первой мировой войны. Петр Великий своими мероприятиями в области создания фабричного производства свел Россию с ее естественного пути и искусственно изменил в ней структуру ее экономики. Если к этому прибавить, что, как это люди думали, занятие земледельческим трудом — близость к земле — способствует охранению здоровых начал в человеке, а «амбары» и фабрика пробуждают в людях самые дурные инстинкты, то станет ясно, какое зло причинил Российской земле великий преобразователь, сведя ее с ее исконного пути. Поэтому как «торгаши», так и «фабричные» не пользовались симпатией у населения, и это находило постоянное отражение в литературе. К этому надо прибавить, что в писаниях иностранных авторов о России российская действительность и, в частности, торговый быт посто-

янно изображались в весьма непривлекательных красках. Из описаний иностранных путешественников по Московии создалась легенда о какой-то «нарочитой бесчестности» русских людей торгового сословия. В России недавнего времени часто наблюдался обычай бранить все русское и преклоняться перед всем иностранным. И писателям, и свидетельствам западных соседей о России часто придавали слишком большое значение и принимали на веру то, что ее не заслуживало. Таким образом, обоснования недоброжелательного или пренебрежительного отношения к купеческому классу можно свести к трем моментам: во-первых, иностранцы создали легенду о том, что характерной особенностью торговых людей в России является их бесчестность и плутовство, во-вторых, русская литература, изображавшая лишь теневые стороны русского купечества, создавала ему характеристику «темного царства», и, наконец, существовали пережитки настроений русских «аграрников», продолжавших считать, что Россия должна оставаться страной земледельческой.

Можно еще указать на постоянный спор Москвы с Петербургом. Чиновный Петербург противопоставляли купеческой Москве. Но Петербург недолюбливал не только купеческую Москву. Он не любил и грибоедовскую Москву, и Москву «Войны и мира», и даже Москву славянофилов.

* * *

Иностранная легенда о русской бесчестности появилась весьма давно. Рассказывая о торговых людях Москвы, Герберштейн говорит, что они «ведут торговлю с величайшим лукавством и обманом. Покупая

иностранные товары, они всегда понижают цену их наполовину и этим поставляют иностранных купцов в затруднение и недоумение, а некоторых доводят до отчаяния, но кто, зная их обычаи и любовь к проволочке, не теряет присутствия духа и умеет выждать время, тот сбывает свой товар без убытка. Иностранцам они все продают дороже, так что иная вещь стоит им самим 1 дукат, а они продают ее за 5, 10, даже за 20 дукатов, хотя случается, что и сами покупают у иностранцев за 10 или 15 флоринов какую-нибудь редкую вещь, которая не стоит и одного флорина. Если при сделке неосторожно обмолвиться, обещать что-нибудь, они в точности припомнят это и настойчиво будут требовать исполнения обещания, а сами очень редко исполняют, что обещают. Если они начнут клясться и божиться, знай, что здесь скрывается обман, ибо они клянутся с целью обмануть»¹.

Другой известный путешественник по Московии, Олеарий, примерно так же отзывается о нравах и обычаях московских купцов. «Я изумлялся, — пишет он, — видя, что московские купцы продавали по 3 ½ экю аршин сукна, которое они сами покупали у англичан по 4 экю. Но мне сказывали, что им это очень выгодно, потому что, купив у англичан сукно в долг и продавая его за наличные деньги, хотя и дешевле своей цены, они обращают вырученные деньги на другие предприятия, которые не только покрывают потери, понесенные ими при продаже сукна, но и доставляют сверх того значительные барыши».

По словам Олеария, московские купцы высоко ставили в купце ловкость и изворотливость, говоря, что

---

¹ Цитирую русский перевод по Ключевскому.

это дар Божий, без которого не следует и приниматься за торговлю. Один голландский купец, самым грубым образом обманувший многих из московских торговых людей, приобрел между ними такое уважение за свое искусство, что они, нисколько не обижаясь, просили его принять их к себе в товарищи, в надежде научиться его искусству.

Приводя все эти данные, Ключевский приходит к заключению, что «торговля московских купцов с иностранными носила на себе, в сильной степени, характер игры». При этом он делает ударение на слове «московских», отмечая, что тот же Герберштейн «выгодно отзывался о торговых обычаях жителей Пскова».

Точно так же и Костомаров, делая ссылку на те же два источника — Герберштейна и Олеария, утверждает, что иностранцы «описывают русских купцов большими плутами. Обычай запрашивать и торговаться был искони характеристикой русского торговца. Если вещь стоила рубль, купец непременно запросит за нее десять рублей, смотря по лицу, которое у него покупает... Божиться в торговле было нипочем, хотя божбам русских купцов никто не верил, ни из их соотечественников, ни из иностранцев, и даже замечали, что чем более русский купец божится, тем скорее обманывает. Подделка и обмен вещей были в обычае: часто русский наделял иностранца подкрашенными мехами, а иногда покупатель придет в лавку и начнет торговать вещь, купец запрашивает за нее большую цену; покупатель дает менее; купец как будто не слышит и уходит прочь, потом начинает мало-помалу сдаваться и уступает желанию покупателя; но в самом деле он ловко успеет обменять вещь, так что покупатель сам этого не замечает

и берет не то, что торговал прежде. Подобные поступки не казались русскому предосудительными; он оправдывал себя пословицею: «На то и щука в море, чтобы карась не дремал», — пословицею, которая, как видно, была до того в употреблении, что даже иностранцы затверживали ее».

Рисуя со слов иностранных авторов эту печальную картину нравов старого русского купечества, Костомаров, однако, отмечает, что не должно приписывать плутоватость русского торговца какой-нибудь народной порче. «Нет, — говорит он, — это было необходимое условие той степени образованности, на которой еще стояла Россия, и обстоятельств, сопровождавших развитие торговли. Торговля, как и всякая другая ветвь человеческой образованности, проходит различные положения. В первобытные времена она была соединена с разбоями и набегами. На низкой степени цивилизованного общества она неразлучна с коварством и обманом, и чем выше общество становится на пути нравственного и умственного образования, тем более и торговые отношения принимают характер честности». И в подтверждение своей оценки Костомаров справедливо указывает — к чему мы еще вернемся, — что сами иностранцы вовсе не были безгрешны в этом отношении и во всей Европе торговые нравы того времени (свидетельства Герберштейна и Олеария относятся к XVII веку) не стояли еще на достодожной высоте.

Помимо названных выше авторов есть еще немало и других, которые так же сурово оценивают торговые нравы в Московии. Так, уже Барберино, побывавши в России в 1565 году, утверждает, что в меховой тор-

говле русский действует недобросовестно: «Tingono zibellini ed altre pelli per farle parer piu belle»¹.

Нейгебауэр, бывший в Москве в Смутное время, повторяет слова Герберштейна: «Fallacissime et dolosissime mercantur»².

Также и Петрей, побывавший в Московии примерно в то же самое время и оставивший подробное описание и Московии, и событий времен Самозванца, говорит про московских купцов, что они «Thun gerne Unrecht»³ и не держат ни данного слова, ни клятвы.

В этом же роде свидетельствуют и Рейтенфельс, и Кильбургер, трактат которого является одним из наиболее ценных источников для истории торговых сношений Московского государства. Впрочем, трактат его, написанный с несомненной целью способствовать развитию товарообмена Московского государства с его западными соседями, больше говорит о тех товарах, которые могут быть объектом торговли, чем о нравах и обычаях людей торгового сословия.

Зато Майерберг, приезжавший в Московию как посол Священно-Римской империи, ко двору царя Алексея Михайловича, в своем путевом журнале отмечает:

«Mercatores in contractibus semper fraudulentur jurentis et obtationibus falciant»⁴.

Нужно при этом заметить, что это в сущности почти все, что он говорит о русской торговле.

Можно еще привести одно позднейшее свидетельство. Это записки одного французского путешествен-

¹ Красили горностаев и другие меха для того, чтобы они казались более красивыми.

² Они торгуют с величайшими хитростями и обманом.

³ Охотно жульничают.

⁴ Купцы в сделках всегда прибегают к обманным клятвам и обещаниям.

ника, который приезжал в Россию в конце царствования Екатерины II. Это некий Фортэн де Пиль, имя коего мало было известно в России, так как его записки были опубликованы без имени автора.

«Il n'y a chez les marchands russes aucune espèce de bonne foi; il est vraiment plaisant d'essayer par soimême jusqu'ou peut aller leur fourberie... la bonne foi, le vrais — le seul appui du commerce n'existe pas en Russie...»¹

Со свидетельствами иностранцев небезынтересно сопоставить и русскую оценку. Вот что в петровские времена писал о купечестве Посошков:

«Купечество в ничтожность повергать не надобно, понеже без купечества ни какое, не токмо великое, но ни малое царство стояти не может. Купечество и воинству товарищ, воинство воюет, а купечество помогает и всякие потребности им уготовляет»².

Говорит он и о купеческих нравах, но больше в порядке пожелания, что должно было бы быть. Косвенно это свидетельствует, что действительность оставляла желать лучшего:

«А еще бы в купечестве самая христианская правда уставиася, еже добрые товары за добрые бы и продавали, а средние за средние, а плохие за плохие и цену брали по пристоинству товара прямую настоящую, по чему коему цена положена, а излишние цены ни у какого бы товара не то что взять, но и не припрашивали бы и ни стара, ни мала, ни неосмысленного не обманы-

---

¹ У русских купцов нет ни малейшей добросовестности; забавно испытать на самом себе, до какого предела может дойти их жульничество... добросовестность — эта единственная основа торговли — не существует в России.

² Посошков. О скудости и богатстве. М., 1951.

вали бы, но во всем поступали бы самую правдою, то благодать бы Божия воссияла бы на купечестве и благословение Божие почило бы на них, и торг бы их святой был».

Апогеем легенды о нарочитой бесчестности русского купечества нужно считать весьма шумевшую в свое время книгу Макензи Уоллеса «Россия», появившуюся в конце семидесятых годов XIX столетия. Этот английский журналист, ближайший сотрудник газеты «Таймс», пробыл долгое время в России и в своих впечатлениях дает весьма мрачную картину российской действительности. Вот что пишет он о купеческом сословии:

«Двумя большими недостатками в характере русских купцов, как класса, согласно общему мнению, являются их невежество и бесчестность. Относительно первого разных мнений быть не может. Что же касается бесчестности, которая, как говорят, столь обычна у русского торгового класса, то здесь составить точное мнение трудно. В том, что происходит огромное количество бесчестных сделок, нет сомнения, но нужно считать, что в этом деле иностранец является излишне строгим и забывает, что торговля в России только выходит из примитивного состояния, в котором твердые цены и умеренный заработок были неизвестны».

Книга Макензи Уоллеса в свое время вызвала много шума и немало протестов в России, но, несомненно, в течение ряда лет она была на Западе одним из главных источников ознакомления с тем, что происходит в России. Британская энциклопедия до сих пор считает этот труд классическим. Но, видимо, сам автор с те-